честивого» царя весьма выразительным жестом: он указывает святителю на место, приготовленное рядом с собой.

Следует отметить, что Дионисий не подвергает текст жития критической проверке и помещает сцену «утоления гнева» Бердибека ранее клейма с исцелением царицы Тайдулы. Как свидетельствуют летописи, Алексий был в Орде только в 1357 г., когда исцелил царицу Тайдулу, жену Чанибека; Бердибек же занял ханский престол после Чанибека.[16]

Идея торжества христианства над мусульманством, торжества и победы Москвы над Ордой раскрывается Дионисием в 10-м и 11-м клеймах иконы. Текст жития: «. . . и абие царь сретает его с великою честью и дароношением»[17] — толкает Дионисия на создание сцены торжественной встречи. Теперь уже хан, сняв с себя символы царской власти (корону и меч), обнажив голову, смиренно стоит на коленях в молитвенной позе перед святителем. Он умоляет Алексия исцелить Тайдулу, он признает нравственное превосходство святителя. Коленопреклоненная фигура хана контрастирует с фигурой московского князя Дмитрия Ивановича, встречающего Алексия у стен Москвы в 12-м клейме. Князь подходит к митрополиту и целует крест, лишь слегка наклонив голову. Этим контрастом художник подчеркивал мысль о величии православного Московского царства. При этом Алексий в эпизоде встречи с ханом изображен художником в своих будничных одеждах, в то время как в эпизоде встречи с великим князем московским он предстает в парадном облачении.

И автор жития, и художник показывают, что свою миссию в Орде Алексий выполнил благодаря заступничеству и покровительству митрополита Петра. Перед отправлением в далекий путь Алексий совершает торжественный молебен у гроба святого (клеймо 9-е) и получает добрый знак: свеча, поставленная у гроба Петра, самовозгорается.[18] С помощью этой свечи и святой воды Алексий и исцеляет слепую ханшу (11-е клеймо). В этой сцене художник показывает Алексия во всем его святительском величии: он и сопровождающий его клир облачены в белоснежные одежды (символ нравственной чистоты); окропив глаза больной, Алексий спокойно взирает на прозревшую ханшу, в то время как клирики выражают свое удивление, правда весьма сдержанно, соблюдая благопристойность.

Все действующие лица в изображении Дионисия ведут себя в строгом соответствии с этикетом, каждый эпизод жития художник превращает в ритуально-торжественную сцену: пострижения в монахи, поставления в епископы, благочестивой беседы, приема, встречи, благословения, исцеления, погребения, обретения мощей.

Спокойные позы, неторопливые торжественные жесты, ритмическая повторяемость параболических линий, очерчивающих удлиненные, изящные силуэты человеческих фигур, контрастное сочетание белых, ярко-красных, светло-зеленых, светло-коричневых и желтых тонов придают иконе то торжественное, праздничное настроение, которое выражено в тексте жития при помощи «удобренного» слова.

Дионисий изображает Алексия как «земного ангела и небесного человека», покорившего страсти телесные, украсившего себя «венцом бесстрастия». Вероятно, этим и следует объяснить «утомительную повторяемость типов, с маленькими носиками и глазами, с округлым очерком головы. И столь же стандартны вытянутые пропорции фигур и мало разнообразные

---

[16] ПСРЛ, т. XXV, стр. 180.

[17] Великие Минеи Четии (Успенские), 12 февраля. ГИМ, Синод., № 991, л. 421.

[18] К сожалению, эта весьма важная деталь была утрачена после реставрации иконы, так же как и древние надписи.